

**ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯПОНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**EXTERNAL FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF
ETHNO-LINGUISTIC FEATURES OF JAPAN SOCIETY**

УДК 81.2

ЕФИМЕНКО Софья Дмитриевна

EFIMENKO Sofia Dmitrievna

Аннотация. Статья посвящена анализу внешних факторов, оказавших влияние на становление и развитие японского языка и культуры с древних времён до наших дней.

Ключевые слова: японский язык, заимствования, этнические особенности, развитие языка, лексический слой, канго, гайрайго, культура Японии.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the external factors that influenced the formation and development of the Japanese language and culture from ancient times to the present days.

Keywords: *Japanese language, loanwords, ethnic characteristics, language development, lexical layer, kango, gairaigo, Japanese culture.*

Рассматривая комплекс этнических особенностей японского языка нельзя не признать его самобытность. Однако, при всей своей неповторимости, японский язык имеет в своем составе значительный объем заимствований, полученных от китайского языка в эпохи Древнего мира и раннего Средневековья, а затем от европейских языков в Новое время и, в значительно большем объеме (преимущественно от английского), во второй половине XIX и в XX века.

Одним из важнейших внешних факторов, определившим развитие и японского языка, и японской культуры, и, в частности, буддизма японского типа, стало общее культурное влияние Китая.

Важной особенностью влияния китайского языка на японский стало воздействие, главным образом, на его письменную форму. Это означает, что знание китайского языка в Японии было знанием письменного, а не устного языка; говорить по-китайски могло только очень незначительное число японцев, непосредственно соприкасавшихся с носителями китайского языка [7, С. 34; 11, Р. 120]. Освоение китайской культуры, включая языковую культуру, шло главным образом через книгу, а не через общение в устной форме.

До знакомства с китайскими иероглифами у японцев письменности не было. Первое появление китайских письменных знаков в Японии относят к I в. н.э. Широкое распространение они приобрели только в V-VI веках, а к началу VIII в. освоение японцами китайской письменности в основном завершилось [1, С. 15; 6, С. 42; 11, Р. 120-121].

Внедрение китайской письменности создало, однако, некоторые проблемы, связанные с различиями в ударении, использовании тонов, морфологии и синтаксисе двух языков. Примерно в VII веке они были

разрешены путем использования китайских иероглифов с учётом формата японского языка, японской морфологии и синтаксиса.

Японцы хорошо освоили китайские иероглифы и начали выражать свою родную речь с помощью двух систем чтений. Во-первых, сино-японское (онное) чтение (яп. 音(*он*)), т.е. японская интерпретация китайского произношения иероглифа и, во-вторых, кунное чтение (яп. 訓 (*кун*)), основанное на произношении исконно японских слов [4, С. 21].

Таким образом примерно в VII веке возникла маньёгана (яп. 万葉仮名 – рус. *отобранные китайские иероглифы*), выполняющая функцию слоговой азбуки. Это был первый этап преобразования китайских иероглифов в японское фонетическое письмо – *кана* (яп. 仮名).

Так, например, в своде японских мифов и исторических хроник «Кодзики» (яп. 古事記, рус. «*Старых дел записи*»), записанном в 712 году по поручению императора придворным чиновником со слов сказителя, большая часть текста представлена переводом на китайский, но при этом немало слов, обозначающих имена богов и вождей, а также топографические названия, записаны иероглифическими знаками, примененными в роли слоговых букв. Другим примером использования китайской иероглифики может служить двадцатитомный поэтический сборник «Маньёсю» (яп. 万葉集, рус. «*Собрание десяти тысяч листьев*») [6, С. 10], созданный в 759 году, от которого, собственно, и произошел термин «маньёгана». Исследователи отмечают, что изучение маньёганы усложняется тем, что чтения иероглифов были взяты из нескольких китайских диалектов времен китайской династии Тан (VII-X вв. н.э.). Например, в «Кодзики» преобладает юго-восточный диалект У, а в «Нихонги» (яп. 日本紀, рус. «*Японские лета́*»; 720 г.), применяется северный диалект Гуаньхуа [6, С. 47].

Это связывается с тремя волнами влияния китайского языка на японский. Первая приходится примерно на VI в, в ходе проникновения в

Японию буддизма, вторая – на период Нара (яп. 奈良時代, *нара дзидай*; 710-794 гг.), когда множество монахов и должностных лиц государственных органов управления Японии обучались в Китае и принесли оттуда конфуцианство, третья – на XIV век, с приходом дзен-буддизма [7, С. 34; 11, Р. 120].

Дальнейшая стандартизация и упрощение начертаний иероглифов продолжались ещё более ста лет и привели к формированию в начале X в. двух основных видов японской слоговой азбуки каны – катаканы (яп. 片仮名, *катакана*) и хираганы (яп. 平仮名, *хирагана*), активно используемых до настоящего времени.

Примерно в IX-X вв. сформировались камбун (яп. 漢文, рус. *китайское письмо*) и вабун (яп. 和文, рус. *японское письмо*). Тексты на камбуне отличались от собственно китайских тем, что помимо особенностей, связанных с интерференцией, они дополнялись специальными знаками, позволявшими читать их по-японски. Непременным атрибутом камбуна были значки, указывавшие на добавление японских грамматических элементов, не имеющих параллелей в китайском языке, и на изменение порядка слов, сильно различающегося в двух языках.

Камбун существовал тысячу лет, с IX по XIX вв., и был отменён как язык официальной письменности после революции Мэйдзи (1863 г.). Вабун со временем превратился в бунго (文語, рус. *литературный язык, язык словесности*) – литературную (стандартную) форму японского языка, просуществовавшую до 1945 года. Основные различия между бунго и разговорным японским заключались в грамматике и, в некоторой степени, в лексическом составе.

Приход китайской письменности неизбежно вел к широкому распространению значительного слоя китайской по происхождению лексики, именуемой в японском языке (*канго*) (漢語 – букв. рус. *китайские слова*). Особенно заметным стало его распространение с XIII в. Н.И. Конрад отмечал,

что в это время «идет упадок чисто японского языка: китаизмы внедряются в него всё глубже и глубже; значительно меняется самый строй речи, меняется и лексика; постепенно происходит слитие, взаимное приспособление двух языковых стихий, китайской и японской друг к другу» [1, С. 18].

Тексты художественного, научного и религиозного содержания обладали во многом несовпадающим набором слов. Кроме того в словах, принадлежащих к разным частям речи, дифференциация в зависимости от жанра была неодинакова. В большей степени это относится к существительным, в меньшей – к глаголам и прилагательным. Менее всего различалась стилистическая дифференциация у наречий, служебных слов и морфем (корня слова, аффиксов, интерфиксов и соединительных гласных) [7, С. 41].

Роли китаизмов в тексте на камбуне и в японских художественных произведениях на вабуне, в записках и проповедях существенно отличаются. Если в вабуне китаизм выступает как составная часть японской лексики, то в камбуне он рассматривается как иностранное слово, подлежащее комментированию и переводу на японский. Комментаторы обычно отождествляли китайскую морфему со словом, т.е. переводили каждый иероглиф по отдельности. Например, даже такое явное слово как 輦轂 (*ренкоку* – рус. *императорская карета*), при разъяснении разбиралось по двум иероглифам, которыми оно записывалось [7, С.42].

Число китаизмов постепенно росло и в текстах на вабуне. К примеру, по данным японского исследователя Цукусима Хироси в созданной в X веке японской народной сказке «Повесть о старике Такэтори» (яп. 竹取物語, *Такэтори-моногатари*) из имеющихся в тексте 1500 слов 90 (т.е. 6%) являются канго; в художественном произведении японской литературы X века периода Хэйан в жанре путевого дневника «Путевые заметки из Тоса» или «Дневник путешествия из Тоса» (яп. 土左日記, *Тоса-никки*) из 909 – 36 (4%), в прозаических частях антологии японской лирической поэзии

«Кокинсю» (яп. 古今和歌集), также именуемой «Кокинвакасю», («Собрание старых и новых песен Японии»), созданной в 922 г. из 948 - 107 (11,3%), в одном из величайших произведений японской классической литературы, написанном в эпоху Хэйан на рубеже X-XI вв., «Повести о Гэндзи» (яп. 源氏物語, *Гэндзи-моногатари*) из 14967 – 1888 (12,6%) [7, С. 46].

Китайские заимствования продолжают широко использоваться и в современную эпоху. Количество канго в тексте зависит от его жанра. В середине XX века Национальным институтом японского языка и лингвистики Японии (яп. 国立国語研究所, *Кокуруцу кокуго кэнкю:дзё*) было проведено исследование текстов девяноста наименований журналов с целью установить частоту употребления заимствованных слов. Были изучены журналы таких направлений, как литературные, массовые, научно-популярные, женские и по домашнему хозяйству, а также развлекательные и посвященные различным хобби. Было установлено, что из примерно 40000 различных слов, использованных для написания всех проверенных текстов, 36,7% были исконно японскими, 47,5% – китаизмами, 9,8% – иного происхождения, 6% – гибридными. При этом наибольшая доля китаизмов – 60,3% – приходилась на научно-популярные журналы, доля которых в общем объеме наименований взятых для исследования журналов составила 1/6. Остальные места распределились так: массовые журналы (54,3%), литературные (51,5%), развлекательные (45,7%), домашнее хозяйство и женские (39,1%) [11, Р. 145].

В газетных публикациях доля канго в то время составляла 44,4 – 46,9% [11, Р. 145].

Вторым фактором внешнего влияния на язык и культуру Японии стало влияние европейских языков, которое началось в XVI веке с прибытием на Японский архипелаг сначала португальских мореплавателей, а затем испанских, голландских и английских. После длительного перерыва,

вызванного стремлением властей Японии к самоизоляции, и закончившегося в середине XIX века, это влияние возобновилось.

Иностранная некитайская лексика гайрайго (яп. 外来語, букв. рус. *пришедшее извне слово*) приходила из разных языков (Рис. 1). Со второй половины XIX в. в гайрайго стал преобладать английский язык, а после окончания второй мировой войны – с очень большим преимуществом американский вариант английского языка. Иностранные заимствования на латинской или греческой основе и слова из третьих языков в настоящее время приходят в японский язык через посредство английского, что проявляется в их произношении. Поэтому, по утверждению В.М. Алпатова, «сейчас можно, слегка огрубляя ситуацию, поставить знак равенства между заимствованием гайрайго и американизацией японского языка» [1, С. 90].

В ходе упомянутого нами выше исследовании журнальных публикаций, проведенных Национальным институтом японского языка и лингвистики Японии, было установлено, что доля гайрайго составляла от 5% (для литературных журналов) до 9,9% (журналов для женщин и по домашнему хозяйству). В газетных публикациях доля слов некитайского иноязычного происхождения была несколько выше чем в журнальных и составляла 12 – 12,7% [11, Р. 143]. При этом слова англоязычного происхождения составляли 94,1% всех выявленных гайрайго, немецкого – 3,7%, французского – 0,9%, португальского и испанского – 0,15%, русского – 0,15% [12, Р. 13].

Тремя наиболее часто упоминаемыми гайрайго (все – от английских слов) в этой подборке текстов были:

- для газет: 麦酒 (*би:ру*) – от *beer* (рус. *пиво*), テレビ (*тэрэби*) от – *television* (рус. *телевизор, телевидение*), キロ (*киро*) – от *kilogram*;

- для женских журналов: カップ (*каппу*) – от *cup* (рус. *чашка*), バタ (*бата*) – от *butter* (рус. *масло*), セックス (*сэксу*) – от *sex* [12, Р. 13].

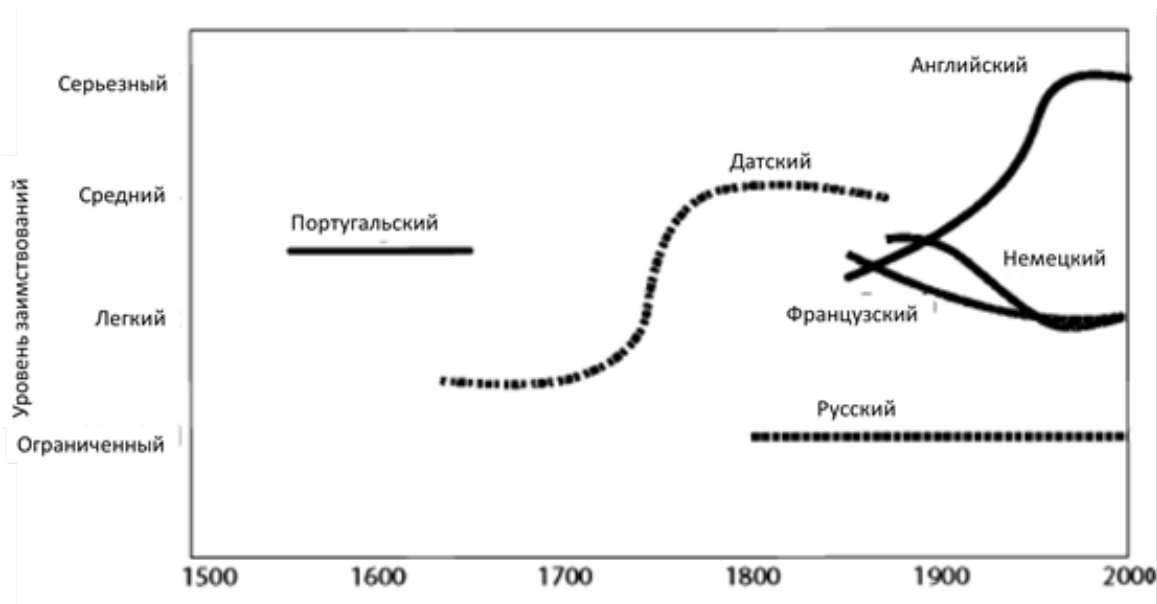

Рисунок 1. График существования заимствований из некитайской (европейской) лексики (гайрайго) [10, Р. 25].

В начале XXI века, как показали исследования Национального института японского языка и лингвистики, наиболее часто упоминаемыми в японских журналах словами, заимствованными из английского языка, были タイプ (*тайпу*, от англ. *type* [taɪp], рус. *тип, вид, род, категория, разновидность*); セット (*сэтто*, от англ. *set* [set], рус. сущ. *набор, комплект*, гл. *ставить, установить*); テレフォン (*тэрэфон*, от англ. *Telephone* ['telɪfəʊn], рус. *телефон, телефонный аппарат*) [10, Р. 59].

Влияние западноевропейских языков сказалось не только на лексике японского языка, но и на его фонетике. Когда в эпоху Мэйдзи стало появляться множество новых для японцев звуков и слогов из заимствованных европейских слов, их стали приспосабливать к японскому произношению.

Например, заимствованные из английского языка слова японцы сокращают до двух – трех слогов (максимум до четырех), изменяя их фонетику в соответствии с японской, так что англоговорящие люди не узнают английские слова. Например, リストラ (*рисутора*, сокр. от англ. *restructuring* [ri:'strʌktʃərɪŋ], рус. *реструктуризация (организации и т.н.)*); ヘリコ

ヘリコプター (хэрикопута, от англ. *helicopter* ['helikɔptə], рус. *вертолет*); スマホ (сумахо, сокращение от スマートフォン *сума:тофон*, от англ. *smartphone* ['smɑ:tfəni], рус. *смартфон* – мобильный телефон, дополненный функциональностью карманного персонального компьютера); デフレ (дэфурэ, сокр. от англ. *deflation* [di'fleɪʃn], рус. *дефляция* (снижение уровня цен)); デイズル・エンジン (ди:дзэру эндзин от англ. *diesel engine* ['di:zəl 'endʒɪn] рус. *дизельный двигатель*).

Примерно таким же образом происходит преобразование слов, заимствованных из русского языка. К примеру, トーチカ (*то:тика*, рус. (долговременная) *огневая точка*); イクラ (*икра*, рус. *икра, красная икра*); ウオッカ (*вокка*, рус. *водка*) [2].

Японский язык с лёгкостью воспринимает иностранные (в основном английские) слова, добавляя к ним свои форманты: глагол する (*суру*, рус. *делать*), окончания прилагательных -い -и, -な -на, суффиксы -的 -тэки, -っぽい -ппой. Например, エンjoyイする (*эндзэй-суру*, от англ. *Enjoy* [ɪn'dʒɔɪ], рус. *получать удовольствие*), シリアスな (*сириасу-на*, от англ. *serious* ['siəriəs], рус. *серьезный*), ニュースな (*ню:су-на*, от англ. *news* [nju:z], рус. *новостной*), ヨーロッパ的 (*ё:роппа-тэки*, от англ. *Europe* ['jʊərəp], рус. *Европа*), ビジネスっぽい (*бидзинэсу-ппой*, от англ. *business* ['biznis], рус. *имеющий отношение к коммерческой деятельности, предпринимательский*) [8, С. 151].

В качестве одного из способов расширения словаря в современном японском языке используется и аббревиация – образование слов из алфавитных названий начальных букв исходных слов японского или английского языка. Например, NHK – (яп. 日本放送協会 (*Ниппон Хо:со: Кё:кай*, рус. *японская вещательная корпорация*); КК – (株式会社, *кабусики кайся*, рус. *акционерная компания*) [5, С. 36].

В подсистему гайрайго входят несколько сотен заимствованных из европейских языков инициальных сокращений, не оформленных средствами японской графики. Например, SSM ミサイル (*SSM-мисайру* от англ. *ship-to-ship missile (SSM)*), рус. *ракета класса «корабль-корабль»*), 多連装ロケットシステム (*тарэнсо:-рокэтто-сисутэму* от англ. *Multiple Launch Rocket System* ['mʌltɪpl] [lɔːntʃ] ['rɒkɪt] ['sɪstɪm] (*MLRS*), рус. *реактивная система залпового огня* [3, С. 29-34].

Таким образом, мы видим, что две таких группы внешних факторов, как изначальное влияние Китая, а затем западной цивилизации в ее англосаксонском варианте, определили особенности развития этнолингвистического состава японского языка. И если влияние китайского и подавляющего большинства европейских языков на японский язык в настоящее время фактически не ощущается, то влияние английского, точнее, его американского варианта, не только сохраняется, но и значительно возрастает [1, С. 14-20; 9; 10; 13]. Можно предположить, что в ближайшие десятилетия эта тенденция сохранится.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Большой японско-русский словарь в 2-х томах. М.: «Сов. Энциклопедия», 1970. 808 с.
3. Исаева Е.Д. Особенности японской военной терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. №4. С. 29-34.
4. Кадзуаки Судо. Японская письменность от истоков до наших дней. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 139 с.
5. Пыриков Е.Г. Лексика и терминология современного японского языка в сопоставительном освещении. М.: Изд-во ВКИ, 1988. 142 с.

6. Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. 2-е изд. М.: Вост. лит. 2002. 176 с.
7. Сыромятников Н.А. Классический японский язык. 2-е изд. М.: Вост. лит. 2002. 152 с.
8. Японское общество: изменяющееся и неизменное. // Рук. проекта Э. В. Молодякова. М., АИРО-XXI. 2014. 300 с.
9. Готтлиб Н. Языковая политика в Японии: проблема преобразований. Кембриджский университет, 2012. 223 с.
10. Ирвин М. Заимствования в японском языке. Изд. Дж. Бенджаминс, 2011. 296 с.
11. Масаёси С. Языки Японии. Кембриджский университет, 1990. 427 с.
12. Стэнлоу Дж. Японский английский. Языковой и культурный диалог. Гонконгский университет, 2004. 389 с.
13. Изучение текущих изменений современного японского языка (近現代日本語における新語・新用法の研究国立国語研究所 時空間変異研究系 2014 年). Токио, Национальный институт японского языка и лингвистики, 2014 г.
14. Национальный институт японского языка и лингвистики (国立国語研究所) [Официальный сайт]. URL: <https://www.ninjal.ac.jp>

REFERENCES:

1. Alpatov V.M. Japan: language and culture. Yaponia: yazik i kul'tura. Moscow. Languages of Slavic cultures, 2008. 208 p.
2. Large Japanese-Russian Dictionary in 2 volumes. Bol'shoi yaponno-russkii slovar' v dvukh tomakh. Moscow. Soviet encyclopedia, 1970. 808 p.
3. Isaeva E.D. Features of Japanese military terminology. Osobennosti yaponskoi voennoi terminologii. Irkutsk State Linguistic University Bulletin. 2009. №4. P. 29-34.

4. Kazuaki S. Japanese writing from the beginning to present days. Yaponskaya pis'mennost' ot istokov do nashikh dn'ei. AST East-west, 2006. 139 p.
5. Pirikov E.H. The lexis and terminology of modern Japanese language in a comparative perspective. Leksika i terminologiya sovremennogo yaponskogo yazika v sravnit'el'nom osveschenii. Moscow, VCI publ., 1988. 142 p.
6. Siromyatnikov N.A. Ancient Japanese. 2nd ed. Drevn'eyaponskii yazik. Vtoroye izdaniye. Moscow. Eastern lit, 2002. 176 p.
7. Siromyatnikov N.A. Classic Japanese. 2nd ed. Klassicheskii yaponskii yazik. Vtoroye izdaniye. Moscow. Eastern lit, 2002. 152 p.
8. Japanese society: changing and unchanging. Yaponskoye obshestvo: izmenyayushcheyesya i neizmennoye. Project manager E. V. Molodyakova. Moscow. AIRO-XXI, 2014. 300 p.
9. Gottlieb N. Language Policy in Japan: the challenge of change. Cambridge University Press, 2012. 223 p.
10. Irwin M. Loanwords in Japanese. John Benjamins Publishing Company, 2011. 296 p.
11. Masayoshi S. The languages of Japan. Cambridge university press, 1990. 427 p.
12. Stanlaw J. Japanese English. Language and culture contact. Hong Kong University Press, 2004. 389 p.
13. 近現代日本語における新語・新用法の研究国立国語研究所 時空間変異研究系 2014 年 (Research of the current changes in modern Japanese). Tokyo, National Institute of Japanese Language and Linguistics, 2014.
14. 国立国語研究所 (National Institute of Japanese Language and Linguistics) [Official web site]. URL: <https://www.ninjal.ac.jp>

Ефименко Софья Дмитриевна

адъюнкт кафедры дальневосточных языков

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

sofya_efimenko@bk.ru

Efimenko Sofia Dmitrievna

Adjunct at the Department of Far Eastern Languages

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

10.02.19 – Теория языка